

Фоменко Г.А.

ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К концу XX века чистое экологическое мышление и развиваемые на его основе экополитические концепции, в значительной мере оторвавшиеся от мировоззренческих корней, а иногда и претендующие на выражение абсолютного «блага», начинают возвращаться на породившую их мировоззренческую почву. В значительной мере эта тенденция выражается в появлении и во все более широком распространении принципа «sustainable development», трактуемого в настоящее время в русском языке как «устойчивое развитие» (в смысле допустимое, самоустойчивое, целенаправленное).

Рассмотрению проблемы устойчивого развития посвящена весьма обширная литература в различных областях знаний; во многих странах, в том числе и в России, активно разрабатываются соответствующие концептуальные и плановые документы. В то же время, в стратегическом отношении вырабатываемые рекомендации за редким исключением представляют собой локальные разработки, весьма обособленные от направлений реального социально-экономического развития территорий. Кроме того, проблема определения средств достижения целей устойчивого развития во многом сводится к редуccionистски понимаемым ограничениям хозяйственной деятельности и упрощенной пропаганде экологических знаний. Такие подходы неизбежно формируют соответствующие, весьма ограниченные, требования к научно-методическому обеспечению разрабатываемых сегодня во многих регионах России планов действий территориальных органов управления по переходу к устойчивому развитию и территориальных природоохранных программ, а следовательно, и к постановке соответствующих географических исследований.

Политика устойчивого развития самым тесным образом связана с определением подходов к выявлению пределов и возможностей установления ограничений и регламентаций развития социоприродных систем, а также целенаправленного воздействия на эти системы. Это представляет собой одну из сложнейших мировоззренческих проблем, и данная работа, конечно, не может претендовать на ее всестороннее рассмотрение. Автор ставит перед собой более узкую задачу – показать ряд особенностей политики устойчивого развития и выявить связанные с ними особенности географических исследований.

Многовариантность будущего. Любая практическая человеческая деятельность, особенно природоохранная, сосредотачивает свое внимание на осуществлении перехода из прошлого в будущее, рациональное с точки зрения людей, принимающих конкретные решения. Поэтому представления об устойчивом развитии и формировании соответствующих целевых ориентиров деятельности, а также о допустимых средствах их достижения, возникают не сами по себе, а как своеобразное отражение видения будущего.

На протяжении большей части XX века в российской истории господствовали представления о едином общем счастье и о детерминированном, поступательном развитии к нему. Проблемы многовариантности будущего и конечности судеб мира и человечества у нас в стране практически не обсуждались, а значит, не проводились и соответствующие исследования. Поэтому так важно не только признать, но и подвергнуть изучению возможную многовариантность будущих событий, продлив дальше в будущее мировоззренческие представления различных народов, этнических и социальных групп. Возможные альтернативные перспективы будущего обусловлены не только архетипически, но также во многом представляют собой прототипы имеющихся трендов и тенденций, инициированных модернизационными процессами.

Одна из наиболее удачных подобных типологий сценариев будущего была предложена Р. Лутцем в 1988 году. Даже общее рассмотрение выявленных им мировоззренческих тенденций позволяет констатировать, что они характеризуются существенными отличиями в представлениях о будущем. Различаются приоритетные цели развития, средства и методы,

поддерживающие и противостоящие силы и т.д. Как следствие – различаются характер информационного обеспечения, представления о приоритетности и целевой направленности научных исследований, в том числе и географических, необходимых для разработки и реализации соответствующей политики. В России в настоящее время можно обнаружить проявления практически всех этих тенденций. В то же время, относительное влияние каждой из них на политические процессы в условиях конкретных территорий будет существенно различаться. Поэтому важно изучить территориальные закономерности в представлениях людей о будущем, об устойчивости развития территорий. Этому должно быть уделено самое пристальное внимание географической науки.

При постановке подобных работ, необходимых для разработки основ политики устойчивого развития, следует обратить особое внимание на изучение процессов, связанных с явлениями неклассической рациональности, предполагающей зависимость самих критериев истины от ценностей данной культуры (Мамардашвили, 1984), а, значит, на глубокое изучение этики, свойственной различным культурам и религиям народов России, отечественной философской мысли, особенно трудов В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, В.В. Розанова, П.А. Флоренского. Не менее важно обратиться к наследию евразийства, в частности, к работам Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого, Н.Н. Трубецкого по анализу географических зон Евразии и соответствующих им хозяйственных укладов. Специального, целевого исследования требуют труды П.Н. Милокова и Л.Н. Гумилева, подчеркивавших во многом основополагающее (но не единственное) влияние природных факторов на становление и развитие народов России. Кроме того, необходимо переосмысление с критических позиций предложенного евразийцами понятия «месторазвитие», а также понятия «Dasein» (здесь-бытие) М. Хайдеггера (1993).

Отказ от противопоставления научного и религиозного миропонимания. Важнейшей особенностью конца XX века, обусловленной реальной угрозой экологической катастрофы, следует назвать активизацию исследований проблемы возможности синтеза научного и религиозного миропонимания (Хесле, 1993; Курашов, 1995; Гайденко, 1995 и др.). Особенно важно отметить исследования Ф. Грегори немецкой богословской традиции XIX века, которые привели его к убеждению, что «перед лицом экологического кризиса радикальное отделение науки от религии представляется интеллектуальной роскошью, которую человечество не может себе позволить» (Gregori, 1992, p. 264). В.И. Курашов отмечает, что без привлечения религиозного мировоззрения и религиозной эсхатологии экологический призыв к сохранению природы и жизни на Земле не может найти убедительного оправдания в научном знании. При этом он подчеркивает бессмысленность с научно-рациональной точки зрения заботы о будущих поколениях людей, так как эта проблема смыкается с вопросом о смысле жизни. Только в сфере религиозной этики необходимость сохранения благоприятных условий для человека на Земле сочетается с фундаментальным догматом: человеческая жизнь и благоприятная ей природная среда есть результат «предвечного замысла» и воли Создателя. Только таким образом этическая обязанность человека сохранять благоприятную для жизни окружающую среду не только для себя, но и для будущих поколений, получает приемлемое объяснение (1995).

По-видимому, достижение устойчивости развития на глобальном уровне возможно в трех случаях.

Во-первых, при возникновении в мире в качестве объединяющей новой религиозной доктрины, которая вытеснит традиционные религии, что соизмеримо, например, с возникновением христианства или ислама. Такое развитие событий в ближайшие годы маловероятно, как и признание различными народами нового, отличного, а то и противоречащего их религиозным и этнокультурным традициям, мировоззренческих подходов, часто называемых чисто экологическими. К сожалению, многие разработчики программных документов как в России, так и за рубежом, составляющие экополитические концепции и природоохранные программы без учета этнокультурных факторов и исторически сложившихся традиций природопользования, а также реально сложившихся территориально обусловленных систем управления, как правило, неосознанно пытаются решить именно эту нереализуемую в принципе задачу.

Во-вторых, искусственное, как правило, насильственное, насаждение одной из существующих в настоящее время мировоззренческих доктрин с присущей ей этикой отношений Общества и Природы. Понятия рациональности, свойственные атлантической цивилизации, активно насаждаются во многих странах, в том числе и в России. Для этого подхода характерно уничижительное отношение к другим культурам, отрицание самоценности традиций природопользования, выработанных иными цивилизациями. В мире начинает осознаваться опасность такого пути. Даже в Западной Европе и США (правда, в меньшей степени) раздаются голоса, показывающие историческую тупиковость подобного курса (Шпенглер, 1993; Тойнби, 1995 и др.). Тем не менее, следует признать, что идеи «вестернизации» сегодня превалируют не только в действиях политиков Запада, но и находят поддержку в определенных кругах у нас в стране.

В-третьих, нахождение согласия по основным проблемам экологической этики между народами, этническими и социальными группами. Поиск такого консенсуса именно в этом направлении не только необходим, но и возможен. Это можно аргументировать, в частности, тем, что важнейший вопрос экологической этики, проблема потребления, в основных религиях и культурах мира трактуется практически однозначно – как требование ограничения потребностей (Дернинг, 1992, с. 230). Это отмечал и А. Тойнби, который писал: «Все философии и религии мира сходятся в том, что человек должен стремиться к подавлению своего эгоцентризма» (1995, с. 302). Именно такое единство мировоззренческих традиций, особо важное перед реальной угрозой экологической катастрофы, вселяет некоторую надежду на возможность согласования и выработки совместных позиций по вопросам признания глобальных экологических императивов, которые могут органично войти в этические системы народов, различных этнических и социальных групп.

Наиболее конструктивным представляется третий путь, путь признания самоценности различных культур и нецелесообразности их оценки с позиций прогрессивности в рамках техногенной цивилизации. Достижение глобальной устойчивости в развитии человечества, в том числе и успех модернизационного процесса, возможны только при опоре на культурные традиции каждого народа, особенно в сфере отношений Общества и Природы.

Соответственно и проблема устойчивого развития России и ее народов может быть решена только при условии, если она будет разрабатываться россиянами с позиций своего мировосприятия, культурного и природного наследия с обязательным, но весьма осторожным, использованием опыта других стран и народов. Наиболее опасно механическое копирование методов разработки и реализации экологической политики других стран, особенно иных цивилизаций, в регионах России, где сложились особые традиции природопользования. Очевидно, что поиск такого пути неотделим от глубокого, целенаправленного изучения наследия российской философской мысли.

Для условий России, где доминируют традиции православия (именно от их развития в направлении поддержания меконфессионального согласия и становления экологической этики решающим образом зависит сама возможность перехода к устойчивому развитию страны), особенно важно переосмысление выдвинутой в рамках этих традиций идеи соборности. Идея соборности активно развивалась на рубеже XIX-XX веков. Соборность, соборно, как отмечал В. Даль, – «вообще, сообща, общими силами, содействием, согласиём» (1994, с. 339). В 1922 году, суммируя некоторые идеи своего труда «У водоразделов мысли», П. Флоренский писал: «Живя, мы соборуемся сами с собой – в пространстве и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр., и пр. Подобно мы собираемся в семью и род, и народ и т.д., соборуюсь до человечества и включая в единство человечности весь мир» (Цит. по: Звезда, 1989, №2, с. 176).

В соборности, с точки зрения политики устойчивого развития, наиболее существенны следующие моменты. Прежде всего, ориентация на достижение всеединства, присущая идее соборности, намечает путь преодоления механистической картины мира, все еще доминирующей в сознании большинства людей в России. Эти воззрения, развитые в XVII веке в основном

трудами Галилея, Декарта, Ньютона, все еще играют значительную роль в практическом мышлении и оказывают негативное влияние на формирование социальной организации общества, поскольку человек, или любой другой организм, рассматриваются как деталь, элемент единого механизма, имеющего в своей основе детерминированную модель ньютоновской физики. Все иррациональное, личностное не принимается во внимание. Политика в отношении природы, основанная на механистической картине мира, неизбежно несет в себе непреодолимую пропасть между экологией и экономикой, что формирует агрессивно-потребительское отношение к природе. В конечном счете, это способствует возникновению условий, благоприятных для развития современного экологического кризиса.

Также, в идее соборности значительный интерес представляет тема сближения наций, народов, этнических и социальных групп и преодоления опасного национализма при разработке проблематики поиска согласия по вопросам экологической этики. Соборный подход предполагает необходимость подчинения экономики, общественных структур, форм организации нравственному императиву, что в полной мере соответствует современному принципу допустимого, само устойчивого, целенаправленного развития. В.С. Соловьев писал: «Самостоятельный и безусловный закон для человека как такового один – нравственный, и необходимость одна – нравственность» (Соловьев, с. 368). Это не значит, что философ отрицал пользу экономики; он справедливо считал, что без нравственного начала экономика теряет свой добрый смысл, и подчеркивал, что «нравственное упорядочение экономических отношений было бы вместе с тем и экономическим прогрессом» (Соловьев, с. 382).

Таким образом, идеи соборности, наиболее активно разрабатываемые в России на рубеже XIX-XX веков, во многом актуальны и безусловно, должны получить развитие именно сегодня, в связи с разработкой политики устойчивого развития в регионах России.

Проблема целеполагания, неотделимая от идеи устойчивого развития, также предполагает синтез научного и религиозного миропонимания. Необходимость такого подхода была показана еще Кантом, который в гармонизации отношений между человеком и природой, изучении природы особенно отмечал важность использования (не отрицая других методов познания) телеологического подхода¹. В своей работе «Критика способности суждения» философ особо отмечал, что телеология – это не теология, но и не естествознание. При этом он не абсолютизировал этот метод познания и критически определял границы применения телеологического мышления при метафизическом толковании мира в целом, подчеркивая, что «...понятие целевых связей и форм природы есть, во всяком случае, еще один принцип, позволяющий подвести ее явления под правила там, где законы механической каузальности недостаточны» (Кант, 1994, с. 233). Это открытие Канта в настоящее время особенно актуально для определения подходов к выявлению пределов и возможностей целенаправленного воздействия на социоприродные системы, что представляет одну из краеугольных проблем теории устойчивого развития.

Для сегодняшнего постижения проблемы целеполагания при достижении обществом устойчивого развития не менее важны высказанные еще более столетия назад суждения Канта о существовании и сущности моральной телеологии, которая касается отношений нашей собственной каузальности к целям и даже конечной цели, которую нам надлежит предполагать в мире, а также отношения между миром и нравственной целью и внешней возможностью ее осуществления, главным образом через законодательную деятельность разума в установлении законов и правил познания. Кант отмечал, что если повсюду имеет место конечная цель, которую разум должен указать априорно, этой целью может быть только человек (каждое разумное существо в мире), подчиненный моральным законам (Кант, 1994, с. 323). К сожалению, многие критики Канта, в том числе и с экологических позиций, ставят ему в вину антропоцентризм, забывая об этом важнейшем условии. Забывают также, что популярное сегодня понятие «ноосфера» было введено в начале XX века П. Тейяром де Шарденом и Э. Леруа (в дальнейшем оно было развито В. И. Вернадским) именно в виде облегающей земной шар идеальной

¹ Телеология (от греческого *telos* — конец, цель, завершение и *logos*) — учение о целесообразности как характеристике отдельных объектов или процессов и бытия в целом.

«мыслящей» оболочки, формирование и развитие которой связано с формированием и развитием человеческого сознания (Тейяр де Шарден, 1965; Вернадский, 1965 и др.). Более того, многие «экологические» концепции, разрабатываемые в настоящее время из самых лучших побуждений обеспечить ноосферное благополучие человечества, рассматривают человека не как цель, а как средство. Опасность этой черты экологической политики только в последние годы стала осознаваться как за рубежом, так и в России (Винер, 1995; Преображенский, 1996). Кант предвидел, что только при правовом управлении обществом с позиций морали и нравственности можно рассчитывать на преодоление существующего разрыва между Обществом и Природой, бурным развитием цивилизации и культурой. Он предостерегал от излишней веры в истинность научных знаний и подчеркивал опасность ориентации в развитии общества, опираясь исключительно на понятие счастья человека, которое во многом субъективно. Нельзя не заметить близость этих суждений Канта идеям В.С. Соловьева, которые разрабатывались российским философом в рамках соборности на рубеже XIX-XX веков.

Важность этих открытий человечество в полной мере начинает осознавать только к концу XX века, когда несовершенство систем управления обществом превратилось в одну из краеугольных проблем устойчивого развития. Так, в Декларации Римского клуба подчеркивается, что «...в стремительно изменяющейся Европе, в мире все еще функционируют архаичные институты управления, продолжают работать устаревшие экономические теории и политические структуры. Необходимы радикальные перемены, и касаться они должны не только этих структур, но духовной сферы, менталитета. Причем простых модификаций здесь будет явно недостаточно» (1995, с. 67).

Реалии сегодняшнего дня показывают, что реформирование институтов управления перед лицом реальной угрозы экологической катастрофы – задача неотложная и крайне сложная. Ее решение во многом будет зависеть от происходящих в общественном сознании трудных процессов осознания многовариантности будущего, роли нравственности и духовности, а также признания не только существования множественности рациональностей природопользования, но и нецелесообразности их противопоставления с точки зрения цивилизационного подхода.

Изменение содержательного смысла понятия рациональности природопользования. В связи с общим переосмыслением картины мира (Umweltbild) в настоящее время происходит гуманизация понятия рациональности применительно к природопользованию, что позволяет внести так необходимые в отношениях Общество – Природа духовность и историчность традиций. В механистической картине мира рациональность рассматривалась как утверждение преобладающей роли науки. Следует признать, что такой подход, возводящий Человека на пьедестал в роли Абсолюта, где духовность, совесть подавляются знанием, все еще превалирует в общественном сознании (Новиков, 1995). Последнее крайне негативно сказывается в природопользовании. Многие специалисты при принятии практических решений и разработке программ и планов, предусматривающих переход регионов России к устойчивому развитию, недооценивают влияние и значение нравственных критериев при мотивации деятельности в сфере природопользования. Как правило их пытаются компенсировать за счет расширенного применения формализованных нормативов качества окружающей среды, ограничивающих и регламентирующих хозяйственную деятельность, а охрану природы – свести исключительно к их соблюдению и контролю.

Безусловно, разработка, придание законодательного статуса и контроль соблюдения нормативов качества окружающей среды со стороны государства необходим и целесообразен. Однако важно осознать принципиальную ограниченность такого подхода, а значит невозможность спроектировать всеобъемлющие технические нормативы, способные эффективно регламентировать и ограничивать хозяйственную деятельность исходя из идеи обеспечения счастья ныне живущих людей и будущих поколений. Попытки всеобъемлющего технократического нормативно-контрольного управления качеством окружающей среды и природопользованием представляют особую опасность в сочетании с весьма распространенной идеей всеобъемлющего экологического лицензирования. Их совместная практическая реализация, скорее всего, не только не спасет человечество от экологических бед, но уже на

начальном этапе может привести к созданию привилегированных групп людей (как правило чиновников), претендующих на обладание «особым знанием», в чем заключается счастье других, а затем, неизбежно, к уничтожению конкуренции, фактической ликвидации прав человека и, наконец, к новой форме тоталитаризма.

Современная философская мысль все более склоняется к убеждению в многообразии форм рациональности, их исторической обусловленности, в значительной мере определяемой личностью мыслителя и особенностью эпохи; настаивает на пересмотре и расширении границ «классической» доктрины, поскольку с ее позиций невозможно понять и объяснить многие культурные феномены ранних цивилизаций, характерные для них традиции и обычаи природопользования, их сохраняющееся влияние на всю последующую культуру, а значит, понять и объяснить мотивацию деятельности в сфере природопользования жителей тех или иных территорий.

Таким образом, из многовариантности будущего, необходимости синтеза научного и религиозного миропонимания неизбежно вытекает множественность рациональностей природопользования, присущих различным цивилизациям и эпохам, различным социокультурным общностям. Только не противопоставляя сложившиеся традиции природопользования с точки зрения цивилизационного подхода, а пытаясь понять и признать самоценность традиций других народов, можно обеспечить устойчивое развитие всех территорий нашей страны.

Важнейший аспект в современном понимании рациональности природопользования связан с осознанием понятия Места. Безместное отношение к своему существованию в мире, отсутствие в душе у человека Малой Родины влечет за собой излишний преобразующий пафос в природопользовании, неуважение к традициям и исторической памяти как каждого отдельного человека, так и народов.

В соответствии с существующей концепцией единства рациональностей – рациональности научная, философская, религиозная и т.д. – не альтернативы, но грани единого и многоликого человеческого разума (Новиков, 1995). Поэтому абсолютно неправомерно скептическое отношение к другим формам рациональности, присущим иным цивилизациям и народам, другим эпохам, рассмотрение их опыта лишь в качестве подготовительного материала становления рационалистической доктрины природопользования Нового времени. С этих позиций представляется возможным и необходимым обобщение (нахождение среднего – по Хайдеггеру) феноменов сложившегося природопользования каждого Места - Здесь-бытия конкретных людей и человеческих общностей. Следует отметить, что при таком подходе географическая типизация как метод исследований не только возможна, но и выступает одним из основных методов познания в сфере природопользования и постижения различных форм и типов рациональности. Разумеется, признание множественности рациональностей не противоречит целесообразности специального природоохранного зонирования, с помощью которого выявляются нежелательные тенденции в изменении географической среды, что позволяет блокировать экологически опасные процессы в развитии общества.

Таким образом, понятию рациональное природопользование в современном восприятии, неотделимом от идеи устойчивого развития, присущи следующие характерные черты:

- повышается роль территориального, комплексного аспекта в природопользовании. При этом территория рассматривается максимально широко, как совокупность экономических, социальных, культурных, духовных, экологических и других особенностей, конкретизированных в пространственно-временном отношении. Возрастает значение Мест в решении природоохранных и ресурсосберегающих проблем современности, подчеркивается необходимость широкого демократического участия людей в государственном управлении, и особенно в местном самоуправлении;

- подчеркиваются духовное, культурное начала в решении проблем природопользования, а также необходимость бережного отношения к традициям природопользования, опыту других народов и прошлых цивилизаций, а значит необходимость оценок рациональности

природопользования каждого народа и цивилизации только с учетом исторического и духовного опыта его развития.

• утверждается равная значимость для развития человечества всех форм цивилизации (в том числе и первобытных) с присущими им типами рациональностей в сфере природопользования.

Осознание многовариантности будущего, рациональностей природопользования, неизбежности поиска совместных путей развития экологической этики народов России и создания в многообразных условиях регионов страны эффективных систем управления для разработки и реализации политики устойчивого развития требуют междисциплинарного синтеза самых разнообразных знаний. В реализации таких подходов должны участвовать философия, большинство гуманитарных, естественных и технических наук. Особенно важно по-новому взглянуть на приоритетность и характер связанных с этой проблемой географических исследований.

Об особенностях географических исследований при разработке и реализации политики устойчивого развития. Необходимость перехода к устойчивому развитию общества значительно расширила круг географических исследований, включив в себя практически все направления географии. В связи с обострением экологических проблем активизировались работы по экологическому зонированию, а также по разработке соответствующих систем территориальных ограничений и регламентаций хозяйственной деятельности (Поярко, 1987, 1996; Кочуров, 1989 и др.). Не менее важной тенденцией, проявившейся в последние годы, является языковой подход к карте, развиваемый А. Лютым (1988; Комедчиков, Лютый и др., 1994). В то же время, отмеченные выше особенности политики устойчивого развития предполагают еще большее расширение спектра географических исследований, в первую очередь в области управленческой географии и географии восприятия, географии мира, отображенного в сознании людей.

Опыт непосредственной работы над программными и плановыми документами в сфере природопользования и охраны природы на региональном и местном уровнях управления в 1988-1996 годах, а также анализ возможных подходов к разработке и реализации политики устойчивого развития позволили сформулировать несколько направлений, где в наибольшей степени ощущается недостаточность географических исследований. К таким направлениям можно отнести следующие.

Исследования целеполагания при разработке и реализации политики устойчивого развития. В рамках таких исследований представляется целесообразным сосредоточить усилия на изучении пространственно-временных закономерностей формирования целей и приоритетов устойчивости в развитии, существующих сегодня в представлениях различных народов, этнических и социальных групп; их дифференциации на разных уровнях территориальной организации, а также на изучении возникающих и потенциально возможных конфликтов целей и поиске путей их решения. Важно с помощью географических методов выявить не только экологические ограничения хозяйственной деятельности (своеобразные внешние ограничения развития хозяйственных систем), но и исследовать сложившиеся на конкретных территориях представления людей о будущем, о моральных, культурных ценностях; понимание рациональности, которые в наибольшей степени определяют целевые приоритеты развития на конкретных территориях. Требуется изучение таких особенностей менталитета людей, которые наиболее существенны для осознания ими приоритетов устойчивого развития на разных уровнях территориальной организации, а также исследования, направленные на выявление территорий, где наблюдаются конфликты реального природопользования с целями политики устойчивого развития, декларируемыми на более высоких уровнях управления. Для таких территорий необходима разработка особых подходов; без этого многие провозглашаемые цели устойчивого развития будут восприниматься людьми как химеры, фантазии, далекие от реальности. Опыт показывает, что для анализа целеполагания при разработке и реализации политики устойчивого развития могут успешно использоваться пространственный (территориальный) и системно-структурный подходы; также может быть эффективным специальное картографирование.

Наиболее важна разработка «телеологических» карт, отражающих представления о целях развития, свойственных населению той или иной конкретной территории, а в дальнейшем – и создание на их основе соответствующих карт конфликтов целей.

Исследования процессов принятия и восприятия решений в природопользовании. Для успешной разработки и реализации политики устойчивого развития в регионах России необходимо решить вопрос: каким образом в реальных условиях конкретных территорий природопользователи, в первую очередь распорядители – менеджеры, принимают решения о характере использования природных ресурсов, а также воспринимают решения территориальных органов власти. На практике распорядитель ресурсов при принятии решений не может обращаться ко всему диапазону выбора, так как он располагает только определенным набором вариантов. В основе выбора наиболее рационального, по его мнению, варианта природопользования лежат осведомленность и сдерживающие факторы. Важную роль здесь играют и стереотипы мышления, личные представления о системе ценностей. В результате распорядители ресурсов не в состоянии не только ознакомиться со всеми возможными вариантами, но и непредвзято воспринять многие из них. Поэтому именно на расширение приемлемого, с точки зрения устойчивого развития конкретных территорий, диапазона выбора решений распорядителей ресурсов должны быть направлены усилия как ученых, так и территориальных органов государственного управления. Решение подобной задачи связано с изучением проблем приспособляемости человека к различным географическим условиям, а также с исследованием роли восприятия решений и их принятия в природопользовании в конкретных регионах и районах России, особенно на местном уровне управления.

В настоящее время в России необходимо также учитывать наследие централизованного планирования. В сознании многих управленцев концепция централизованного планирования укоренилась настолько прочно, что при разработке многих территориальных программ в сфере природопользования и охраны природы продолжают планировать инвестиционную политику, ориентируясь исключительно на финансовую поддержку или из бюджета региона, или со стороны центра. Кроме того, в подавляющем большинстве природоохранных программ истощение природно-ресурсного потенциала территории не рассматривается как главная угроза экологической безопасности. Во многом это обусловлено традиционной уверенностью многих руководителей в неограниченности природных ресурсов, незнанием методов программно-целевого управления в условиях рынка, что усугубляется недостатком общей культуры и политехническим образованием большинства людей.

При исследовании процессов принятия и восприятия решений в природопользовании в настоящее время наиболее целесообразны анализ и сравнение деятельности по крупно- и мелкомасштабному использованию природных ресурсов государственным и частным секторами, в которых центральная роль отводится именно распорядителям ресурсов. Еще в середине 50-х годов Г. Уайтом был предложен единый подход для подобного анализа (1990). В условиях фактического многообразия форм собственности он может быть эффективно использован и в России.

Не менее важен анализ рассеянной, неформализованной информации, в значительной мере определяющей позицию как жителей территорий, так и менеджеров по вопросам управления природопользованием и охраной природы. Опыт изучения такой информации с помощью активных методов в административных районах Ярославской области и Варнавинском районе Нижегородской показал возможность и весьма высокую результативность их применения при разработке планов действий по рациональному природопользованию и охране природы для территориальных администраций (Фоменко М., 1995).

Географический анализ развития территориальных систем управления природопользованием (ТСУП). Это направление приобретает особую важность в связи с активно протекающими процессами децентрализации и деконцентрации властных функций в этой сфере деятельности. Процесс реформирования территориальных систем управления природопользованием должен учитывать не только общие тенденции развития реформ, но и географические особенности территорий, понимаемые в самом широком смысле. Для того,

чтобы обеспечить дифференцированный в пространственно-временном отношении подход, необходимый в условиях России, важно изучить не только особенности развития территориальных структур управления природопользованием, но и выявить географические закономерности функционального взаимодействия различных структур. Весьма эффективными при проведении подобных исследований являются синхронический подход, при котором пространственные и функциональные управленческие структуры территорий изучаются для конкретного периода исторического времени, а также процессо-ориентированный подход, который изучает процессы и изменения, приводящие к новой структуре или преобразованию существующей². Предпринятые попытки специальной типологии регионов России по характеру развития территориальных систем управления природопользованием и охраной окружающей среды на основе анализа сложившихся структурно функциональных связей показали не только важность выполнения подобной типологии для совершенствования управления природопользованием и охраной природы, но и, что не менее существенно, ее принципиальную возможность (Фоменко Г., 1993, 1995).

Оценка эффективности территориальных систем управления природопользованием с точки зрения их соответствия географическим особенностям территорий. Как показывает опыт работы над программными документами в сфере природопользования различных уровней территориальной организации, необходим более широкий, чем это обычно принято, подход к выбору оценочных критериев, прежде всего с точки зрения их соответствия географическим особенностям территорий. Основные принципы формирования организационных структур территориальных систем управления природопользованием и охраной природы (Фоменко Г., 1995) позволяют выявить ряд наиболее существенных критериев оценки их эффективности с точки зрения соответствия географическим условиям территории: соответствие приоритетным целям политики устойчивого развития (с обязательным учетом экологических ограничений); органичность и целостность; эффективность применения инструментов реализации территориальной политики устойчивого развития; эффективность ядра и периферии; соблюдение совместимости элементов; соответствие иерархичности географическим особенностям территории. Особое внимание целесообразно уделить оценке приемлемости применяемых методов управления для широких слоев населения, субъектов хозяйственной деятельности, для органов местного и регионального управления, территориальных организаций федеральных министерств и ведомств.

* * *

В заключении важно подчеркнуть, что происходящие на рубеже веков изменения мировоззренческих подходов, осознание многовариантности будущего, понятия рациональности природопользования, которые предполагают новый синтез знаний о Природе и Человеке на фоне реальной возможности глобальной экологической катастрофы, а также выдвижение на первый план проблемы развития Человека как существа морального должны найти свое воплощение в разработке и реализации политики устойчивого развития на всех уровнях управления. Конечно, здесь требуются глубокие междисциплинарные исследования. Географическая наука в значительной мере готова к восприятию этих изменений, поскольку география – одновременно и естественная и общественная наука, обладающая столь необходимым в данном случае комплексным подходом к природным, социально-экономическим и политическим явлениям. Это позволяет говорить о необходимости усиления роли географии, применения ее методологии в исследовании явлений, связанных с формированием политики устойчивого развития, прежде всего, проблем целеполагания, процессов принятия и восприятия решений в природопользовании, формирования и развития территориальных систем управления природопользованием и охраной природы, а также при оценке их эффективности с точки зрения соответствия понимаемым в широком смысле географическим особенностям территорий.

² Понятия синхронический подход и процессо-ориентированный подход были применены Т.Д. Александровой и В.С. Преображенским при характеристике методологии исторической географии в Германии (1994, с. 138).

Литература

1. Александрова Т.Д., Преображенский В.С. Четыре десятилетия в развитии географии в Германии: организационные проблемы, природно- и историко-географические исследования // Изв. РАН. Сер. геогр. 1994. N2. С. 134-138.
2. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. М.:Наука,1965. С. 323-329.
3. Вернадский В.И. Научное мировоззрение // На переломе. Философские дискуссии и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 180-203.
4. Винер Д.Р. Экологическая идеология без мифов // Вопросы философии. 1995. N5. С. 82-97.
5. Гайденко В.П. Природа в религиозном мировосприятии // Вопросы философии. 1995. N3. С. 43-52.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 103 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.
8. Дернинг А. Задаваясь вопросом: где мера достаточного // Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. М.-Бостон, 1992. С. 218-240.
9. Кант И. Критика способности суждения / Пер. с нем. М.: Искусство, 1994. 367 с.
10. Комедчиков Н.Н., Лютый А.А. и др. Экология России в картах // Изв. РАН. Сер. геогр. 1994. N2. С. 134-138.
11. Концепция перехода Российской Федерации на путь устойчивого развития. Проект / Всероссийский съезд по охране природы. М., 1995. 24 с.
12. Кочуров Б.И. На пути создания экологической карты СССР// Природа. 1989. N8. С. 10-17.
13. Курашов В.И. Экология и эсхатология // Вопросы философии. 1995. N3. С. 29-36.
14. Лютый А.А. Язык карты: сущность, система, функции. М.: ИГ РАН, 1988. 292 с.
15. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси,1984.
16. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.1. М.: Прогресс, 1993. 528с.
17. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) Пер. с англ.; под ред. и с послесл. С.А. Евтеев, Р.А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
18. Новиков А.А. Рациональность в ее истоках и утратах // Вопросы философии.1995. N5.
19. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Ноосфера, 1991. 82 с.
20. Поярков Б.В. Структура генеральной схемы природопользования // Географические основы рационального природопользования. М.: Наука,1987. С. 21-27.
21. Поярков Б.В. Понятия и термины, связанные с формированием и реализацией экополитики // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996. N1. С.87-96.
22. Преображенский В.С. Все ли средства допустимы? // Вопросы философии. 1996. N4. С. 147-150.
23. Программа действий. Повестка дня на 21 век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении (Материалы встречи на высшем уровне «Планета земля») / Сост. Китинг. М.-Женева, 1993. 69 с.
24. Реймерс Н.Ф. Экология (теория, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия Молодая, 1994. 367 с.
25. Римский клуб. Декларация // Вопросы философии. 1995. N3. С. 67-72.
26. Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1914. С. 368-382.
27. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пер с франц. М.: Наука, 1965.
28. Тойнби А.Д. Цивилизация перед судом истории: сборник / Пер. с англ. М.; СПб., 1995. 478 с.
29. Уайт Г. География, ресурсы и окружающая среда / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 544с.
- 30.Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Звезда.1989. N2. С. 176.

31. Фоменко Г.А. Регионализация систем управления природопользованием в условиях перехода к рынку. Ярославль, 1993. 182 с.

32. Фоменко Г.А. Развитие территориальных систем управления природопользованием и стратегия перехода к устойчивому развитию // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. №6. С.73-86.

33. Фоменко М.А. О разработке территориальных программ рационального природопользования и охраны природы на уровне местного самоуправления // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России / Под ред. Ю.Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 1995. С. 127-135.

34. Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем.; составл., переводы, вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М.: Издательство «Гнозис», 1993. 464 с.

35. Хесле В. Философия и экология / Пер. А.К. Судакова. М.: Наука, 1993. 205 с.

36. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Севасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.

37. Шупер В.А. Региональная география и региональное развитие // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России / Под ред. Ю.Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 1995. С. 17-24.

38. Capra F. Kriese und Wandel in Wissenschaft und Gesellschaft: [Plane fur eine menschliche Zukunft. hrsg. von Rudiger Lutz. Mit Beitr. von Manon Andreas Grisebach...]. Weinheim; Basel: Beltz, 1988. S. 218-234.

39. Gregori F. Nature Lost? Natural Science and the German Theological Traditions of the Nineteenth Century. Cambridge (Mass.), 1992. P. 264.

40. Lutz R. Sieben Zukunftsszenarien: [Plane fur eine menschliche Zukunft. hrsg. von Rudiger Lutz. Mit Beitr. von Manon Andreas Grisebach ...]. Weinheim; Basel: Beltz, 1988. S. 291-300.